

Алгоритм игры в шахматы

Гора свалилась с плеч — с борьбой за первенство мира покончено. Правда, я выступал в соревнованиях еще семь лет, но это было сравнительно легким делом, ибо с 1963 года во много раз сократил свою исследовательскую работу в области шахмат; больше стало времени для поиска алгоритма игры в шахматы.

В августе я снова сел за доску — Спартакиада народов СССР. Играл легко и успешно. В конце года сыграл в небольшом турнире в Амстердаме, и также успешно. Однако главная забота была об алгоритме.

Как я ни ломал голову, ничего придумать не мог, раза два почувствовал, что помираю... Приходилось отдыхать. Затем принял решение записывать свои мысли, и это оказалось весьма важным!

В феврале 1964 года показалось, что дело пошло, начал задачу «видеть». Так я решаю любую задачу — этот метод работы, вероятно, характерен для шахматиста. Шахматист всегда видит позицию не только ту, что на доске, но и ту, что в варианте, то есть вслепую. Думаю, что эта способность видеть вслепую должна быть у всех крупных шахматистов: это своего рода зрительная память.

Вот я и стал «прозревать». В июне решился уже засесть за письменный стол и, к своему большому удивлению, через месяц написал что-то связное. Впоследствии понял, что написал — нашел цель неточной игры в шахматы. Потом мне приходилось решать и другие нелегкие задачи, но эта, вероятно, оказалась самой трудной. Цель игры — основа алгоритма. На поиск цели в общей сложности ушло три с половиной года.

Найденная цель игры оказалась весьма простой: надо стремиться к выигрышу материала. Собственно говоря, так интуитивно играет квалифицированный шахматист, но все об этом молчат, ибо обычно этот принцип понимают вульгарно, в том смысле, что в данный момент надо уничтожить наиболее ценную неприятельскую фигуру — это, конечно, ошибочно. Но если эту цель игры понимать так, что надлежит стремиться к оптимальному выигрышу материала в пределах обозримого счета вариантов, то она представляется вполне разумной.

Уже и тогда мне было ясно, что нужно формализовать и понятие позиционной игры, однако пришлось отложить решение этого вопроса. Он был решен много позже.

Цель игры (выигрыш материала) определила и следующий важный шаг. Раз надо уничтожать неприятельские фигуры, то у каждой фигуры на доске появились свои индивидуальные цели, конкретные мишени, которые должны быть поражены. Одна фигура может уничтожить другую, передвигаясь по определенным полям доски,— совокупность этих полей образует траекторию, в данном случае образует траекторию нападения. Другие неприятельские фигуры стремятся защитить свою фигуру, а фигуры того же цвета, что атакующая,— поддержать нападение. Эти фигуры также

действуют по своим траекториям, условно названным траекториями отрицания. Все это я изложил в монографии.

Затем наступила пора снова играть в шахматы. С хорошим настроением сел я за шахматный столик — в октябре 1964 года в Москве проходило командное первенство СССР. Из шести встреч три свел вничью и три выиграл, но зато у кого! Капитулировали три таких боевых шахматиста, как Смыслов (№ 321), Петросян (№ 320) и Штейн (№ 322)... Можно было ехать на очередную Олимпиаду — последнюю в моей шахматной жизни.

Но что делать с монографией об алгоритме игры в шахматы? Дело-то важное. Система управления (в том числе и человек) выполняет три кибернетические функции: получение информации, ее переработку (принятие решения) и исполнение решения. Люди сказочно усовершенствовали первую и третью функции — это относится к радиотехнике и термоядерной энергии соответственно, а вот с переработкой информации сдвигов практически нет; здесь (в сложных задачах) мозг человека сохранил монопольное положение. Необходим сильный искусственный интеллект; искусственный шахматист-гроссмейстер и будет первым шагом в этом направлении.

Подумал и решил послать работу президенту Академии наук М. Келдышу; написал, что готов работать по этой теме там, где нужно. И уехал со сборной командой на Олимпиаду.

Итак, ноябрь 1964 года, Тель-Авив — древняя земля Палестины. Когда экскурсионный автобус везет участников Олимпиады и гид объясняет, что по этой дороге шли воины Александра Македонского в своем походе на Индию, начинаешь с уважением относиться к этой современной автотрассе. Или ходишь по Назарету и узнаешь, что здесь, по преданию, начал свою деятельность Иисус Христос... В Иерусалиме мы были гостями делегации (представительства) русской православной церкви. Отец Гермоген, лет тридцати, с красивой бородой, с горящими (как в сказке) глазами, оказался шахматистом. Он провел нас в православный собор и пропел молитву — и голос, и акустика прекрасные. После обеда пошли на гору Сион. Сложное дело: заходишь в церковь — снимаешь шляпу, в синагогу — надеваешь. У дверей синагоги встретили одного участника Олимпиады, его не пускали без головного убора. Но шахматисты народ изворотливый, он положил на голову бланк для записи партий и... прошел!

Отец Гермоген привел нас в горницу, где, как гласит легенда, Христос последний раз виделся с апостолами. Именно здесь Христос сказал: «Один из вас предаст меня...» (Отец Гермоген все подробно рассказывал.)

«Христос был извещен об этом заранее?» — деловым тоном спросил кто-то из нас. Отец Гермоген снисходительно улыбнулся: «Христос — бог, он все знал».

Смыслов хочет фотографировать арабскую часть горы Сион, ему это запрещают: «И с той, и с этой стороны снайперы, надо быть осторожней». На прощанье получаем сертификаты, что отныне мы пилигримы.

В Тель-Авиве каждое утро ходим на пляж, благо отель «Шератон», где жили участники и проводилась Олимпиада, стоит на берегу Средиземного моря. Восемь утра, но уже нестерпимо жарко, море теплое-теплое; песок настолько мелкий, что не осыпается и тогда, когда кожа после купания становится сухой. Оказывается, песок не морской. Много веков вешние воды Нила выносили речной песок в море, и течением его прибывало к палестинскому берегу... После четырех часов дня жара спадает и дышать легче.

Был я в деревне под Тель-Авивом: обитает там трудовой народ. Дети живут отдельно, но каждый день навешают родителей... Питание общественное, без самообслуживания — работают дежурные. Пища простая. Деньги выдаются только на книги и журналы. Дома скромные. Женщины все работают.

Но есть и другие израильтяне — богачи. Нам рассказывали, что особенно преуспевают спекулянты земельными участками...

Спросили меня как-то: «Кем вы себя считаете по национальности?» — «Да,— ответил я,— положение мое «сложное»: я еврей — по крови, русский — по культуре, советский — по воспитанию».

На XVI Всемирной шахматной олимпиаде (1964). Матч СССР — Голландия

По просьбе посольства и организаторов Олимпиады выступаем с сеансами и лекциями. Меня как энергетика послали в Хайфу, где пребывает электрическая компания. Осмотрел я ГРЭС в Хайфе. Сотрудники компании объяснили, что энергетика Палестины была основана Рутенбергом — он окончил Технологический институт в Петербурге. Они рассказали, что он по решению ЦК партии левых эсеров в 1905 году участвовал в убийстве провокатора Гапона, а затем эмигрировал в Палестину. По их словам, Рутенберг решил, что будущее Палестины в поливном земледелии и это должно быть реализовано с помощью электронасосов. С этой целью он построил на реке Иордан гидростанцию мощностью 6 тысяч кВт. В войну 1947—1948 годов гидростанция была разрушена.

Сеанс в Хайфе затянулся, подают мне записку... от Умберто Нобиле! Оказывается, Нобиле не забыл русский (после своей неудачной экспедиции на дирижабле к Северному полюсу итальянский специалист некоторое время работал в Москве), сообщает, что хотел меня повидать, но уже поздно и ложится спать — Нобиле был в гостях в Хайфе у своих друзей-шахматистов.

На следующий день мне показывают север Израиля, посетили арабскую деревушку — бедность, водоснабжение плохое. Ночью на такси отправляюсь в Тель-Авив. По дороге нас не один раз останавливали патрули — уже тогда было неспокойно.

И эта Олимпиада закончилась победой советской команды. Пришлось мне сыграть несколько красивых партий; Глигоричу интереснейший эндшпиль проиграл (№ 327).

Обстановка в команде вначале была не очень дружная, что весьма опасно, особенно учитывая те споры, которые могут возникнуть при назначении на игру (надо выбрать на матч четырех участников из шести), — каждый избегает черным цветом играть лишнюю партию, да еще против сильного гроссмейстера — тогда можно на своей доске и первого места не занять! Решил помочь я руководству делегации и создал, как в британской палате общин, «теневой» кабинет — в него вошли все участники, кроме Петросяна. Наш капитан Котов быстро сообразил что к чему, и свои действия согласовывал с теневым кабинетом!

Когда вспоминаю я Палестину, прежде всего думаю о трудовых евреях и арабах, населяющих эту красивую землю. Через три года после Олимпиады там вспыхнула война, которой пока конца не видно. Вероятно, там может быть прочный мир, и он будет, если трудовому люду, который там живет (или имеет право жить), никто не будет мешать извне — ни нефтяные магнаты-арабы, ни американские толстосумы-евреи.

Вернулся я в Москву и вновь окунулся в кибернетические дела. Ответа из Академии наук нет. Пошел тогда к Цыпкину; в свое время показывал я Якову Залмановичу свою докторскую, неужели он в шахматном алгоритме не разберется?

Цыпкин на помощь пригласил своего товарища — профессора Д. Юдина, специалиста по прикладной математике. Говорили весь вечер, оставил я свою работу, ответа так и не было. Десять лет спустя профессор Юдин был рецензентом моей книжки «О кибернетической цели игры» и дал хороший отзыв, но тогда моя работа ему не понравилась...

Звонит профессор М. Шура-Бура (он тоже специалист по прикладной математике) и предлагает повидаться. Познакомились мы осенью 1961 года: после опубликования моей статьи «Люди и машины за шахматной доской» студенты-математики МГУ устроили вечер-диспут о шахматной программе (Шура-Бура и этим интересовался).

Михаил Романович принял меня в присутствии молодых доктора физико-математических наук Евграфова и кандидата Задыхайло. Они читали мою рукопись, оказывается, академик Келдыш поручил Шуре-Буре решить вопрос о возможности начать работу. Евграфов отказался работать, он писал

учебник. Задыхайло явно хотел, но Шура-Бура не позволил: «Идите к Адельсон-Вельскому в ИТЭФ, там готовая шахматная программа, с ними и советуйтесь...»

Пошел в ИТЭФ, часа три говорили мы с Адельсон-Вельским. «Зерно истины в этом есть,— сказал Георгий Максимович.— Мы охотно бы работали вместе с вами над этим алгоритмом, но что делать? Нам запрещают работать и над нашей программой. Вот если бы получить указание от Академии наук...»

Я обрадовался — нашел товарищей по работе. (Потом выяснилось, что хитрил Адельсон-Вельский. Его группа продолжала свою работу, и программа КАИССА вскоре играла в матче с калифорнийской программой Котона — Маккарти). Снова написал письмо президенту Академии наук.

В начале 1965 года мы с Флором отправились на гастроли в Нидерланды, выступали с сеансами, а затем участвовали в юбилейном турнире в Нордвейке — исполнялось 70 лет со дня основания шахматного общества города Лейдена.

Нордвейк — очаровательная курортная деревня на берегу Северного моря. Бесконечный песчаный пляж, дюны, набережная с отелями и, конечно, маяк. Ежедневно, несмотря на холодный февральский ветер, протопывал я по плотно слежавшемуся пляжному песку несколько километров. Компании почти не было: изредка встретится кавалькада любителей верховой езды. Потом ко мне присоединился югослав Трифунович (Ларсен попробовал, но отказался). Видно, все же прогулки были полезны, я сыграл весьма успешно, а Трифунович был вторым!

Во время пребывания в Амстердаме президент общества дружбы «Нидерланды — СССР» Биллем Хюлст организовал мою встречу с профессором университета в Амстердаме де-Волфом. Студенты-экономисты де-Волфа направлялись в Москву и надеялись, что им помогут в ознакомлении с советской экономикой (наше общество «СССР — Нидерланды» оказало необходимое содействие).

— Вы только читаете лекции? — спрашиваю я де-Волфа.

— Нет, я еще руковожу голландским Госпланом.

— Сколько сотрудников в Госплане?

— Шестьдесят.

— Какому министерству Госплан подчиняется?

— Никакому.

— А, — Госплан подчиняется заместителю премьер-министра?

— Нет, не подчиняется.

— Значит, прямо премьер-министру?

Маленький лысый профессор выпрямился, посмотрел на меня с возмущением:

— Не я ему подчиняюсь, а он исполняет мои советы!

Только вернулся в Москву, звонит Шура-Бура: «Мстислав Всеволодович просил передать, что ответа на второе письмо не будет...» Все стало ясно! Но читал ли мои письма президент Академии наук?

7 мая 1965 года отмечалось 70 лет со дня открытия радио А. С. Поповым. На торжество были приглашены иностранные ученые. Звонит мне профессор Ильин (тот самый, с которым двенадцать лет назад мы конкурировали на сравнительных испытаниях регуляторов сильного действия для синхронных генераторов) и говорит от имени знаменитого математика наших дней, автора теории информации Клода Шеннона (США). Американец читал статью «Люди и машины за шахматной доской» и хочет со мной встретиться.

Встреча состоялась в гостинице «Украина», была приглашена переводчица, но дело шло туго — дама не знала специальных терминов и путала. Тогда я пришел на помощь (термины-то я знал), и стало легче... Неожиданно появляется Я. Цыпкин, он привел другого американского профессора — Лютфи Заде. Заде — иранец по национальности, до шестилетнего возраста жил в Баку и отлично владеет современным русским разговорным жаргоном. Беседа с Шенноном пошла на больших скоростях.

Рассказываю о своих идеях, американцы внимательно слушают. Затем Шеннон предлагает сыграть в шахматы — он познакомился с ними в возрасте 28 лет (Шеннон на 5 лет моложе меня). Играет он в силу... современных ЭВМ! После партии он просит дать ему что-нибудь на память. Вслепую восстанавливаю текст партии, расписываюсь и вручаю листок собеседнику...

Шеннон понравился мне — он не потерял юношеской восторженности. Тонкий, стройный, с худым лицом (как у покойного Жолио-Кюри), нервные пальцы...

«Кто вы по национальности?» (Шеннон никак не похож на стандартного американца). Он смущается, но раскрывает секрет: есть и французская, и немецкая, и ирландская кровь!

Тогда он был в Массачусетском технологическом институте. Если хотел — читал студентам лекции, других обязанностей не было. Прощаемся с автором теории информации и вместе с Заде идем в ресторан. За обедом узнаю особенности американской научной жизни: «Почему в СССР основные научные силы в НИИ, а в США — в высших учебных заведениях?»

Заде рассказывает, что в США НИИ принадлежит частным фирмам, и, когда научному работнику за сорок и он не может работать с прежней энергией, фирма его увольняет. Поэтому, как только ученый приобретает известность, он и стремится перейти в университет.

— Да,— говорит Заде,— ваши идеи мне нравятся, но надо как-то еще ограничить задачу.

— Думаю об этом,— отвечаю,— уже и название этому ограничению придумал — горизонт, то есть задача решается в пределах видимости, но самое ограничение еще не формализовал.

— Горизонт — отличное название,— говорит Заде.

Вскоре после этой беседы «горизонт» был найден. Ограничено было время передвижения атакующей фигуры по траектории нападения, или, иначе говоря, длина траектории нападения.

Дополняю рукопись и подумываю, как бы ее опубликовать? Те, к кому я обращался, дали от ворот поворот. Но, может, есть организации и программисты, которые хотели бы работать? Найти их можно было, лишь опубликовав работу; надо заниматься пропагандой новых идей.

Л. Абрамов подсказал: пошлите работу в сокращенном виде в бюллетень ЦШК (Центрального шахматного клуба), В. Симагин опубликует.

Владимир Павлович был редактором бюллетеня; отношения с Симагиным были у нас прохладные, так получалось, что он много раз был секундантом неприятельской стороны в матчах на первенство мира. Был Симагин человеком сумрачным, но порядочным. Рискнул я и отдал ему статью.

Симагин действовал осторожно и послал работу на отзыв кандидату в мастера Арамановичу — тот был доцентом математики. Через некоторое время мне вручили вежливую, но отрицательную рецензию (если прочесть то, что было между строк, отзыв был уничтожающим).

— Владимир Павлович,— говорю Симагину,— прошу вас присутствовать при нашей беседе с Арамановичем, после чего вы и примете решение.

Редактор согласился.

Во время беседы Араманович «раскрылся» и вышел далеко за рамки своего письменного отзыва. Я держался уверенно.

— Владимир Павлович,— говорю,— вам уже ясно?

— Да,— отвечает Симагин (Араманович посмотрел на меня с победоносным видом),— будем печатать в порядке обсуждения.

Я пожал своему старому партнеру руку; рецензент не скрывал своего возмущения!

Решение Симагина было весьма удачным, ибо после опубликования должно было состояться обсуждение. Его и провели 13 мая 1966 года в Чигоринском зале клуба; собрались и математики, и гроссмейстеры.

После доклада началась мощная атака: и Шура-Бура, и Адель-сон-Вельский, а Араманович... Выступил один профессор — вид его был необычайно респектабельный (потом Араманович сообщил, что он кончил Кембридж),— поучал меня, как надо составлять шахматный алгоритм. Неожиданно один молодой человек заявил, что алгоритм Ботвинника ему нравится.

— А вы кто такой?

— Бутенко.

— Откуда?

— Из Новосибирска.

Споры разгорелись с новой силой, а после закрытия диспута приняли даже не совсем парламентский оборот. Выпускник Кембриджа слушал-слушал и вдруг неожиданно заявил: «А может, Ботвинник сделал что-то классическое?» Все на него зашикали.

Подошел Рамеев: «Я должен бежать, потом позвоню», и исчез. Год не звонил Башир Искандарович; удивительный он человек, чистой души,

глубочайший специалист в области вычислительной техники (кончил лишь два курса МЭИ, но потом в порядке исключения получил ученую степень доктора), говорил мне, что если кто и справится с этой проблемой, то только я... И вдруг решил, что я провалился. Но скажем правду— очень он поддерживал меня, продолжает поддерживать и теперь!

А с Володей Бутенко мы вскоре начали сотрудничать и работали до 1970 года.

На этом диспуте выяснилось одно неожиданное для меня обстоятельство: оказалось, что неизвестны способы получения траекторий на ЭВМ. И Шура-Бура, и Адельсон-Вельский утверждали, что простым путем траектории получить невозможно - стало быть, и алгоритм никуда не годится!

Просидел я две недели и нашел простой метод — с помощью массивов 15x15. Написал статью, отнес Симагину, он ее тут же опубликовал.

Бутенко и сделал программу (для машины М-20), которая выдавала все необходимые траектории. Мои оппоненты стали осторожнее.

Практика показала, что нельзя успешно работать, когда сотрудники живут в разных городах и встречаются друг с другом эпизодически. Наше сотрудничество с В. Бутенко со временем не могло не прекратиться.

В июле снова играю в шахматы — международный турнир в Амстердаме. Соревнование организовано фирмой ИБМ, здесь помещается завод этой американской компании. Живем с Флором в мотеле, что стоял при выезде из города на автостраду на Гаагу. Завод недалеко, там открытие турнира, в жеребьевке участвует ЭВМ. А играли мы тоже поблизости — в современной... церкви! Перед входом на четырех высоких столбах стоит что-то вроде водокачки; оказывается, это колокольня. Звонаря, конечно, нет, ибо колокол с автоматическим управлением...

Хорошо было играть, все рядом, воздух в этой новой части Амстердама сравнительно чистый. Играл хорошо, но одну партию (№ 340) — с Зюйдема — исключительно хорошо. Отложена была партия с лишним качеством, но после моей неточности перед контролем выигрыш стал неясным.

Очевидно, бог помог: посидел я в церкви с карманными шахматами полчаса и нашел поразительный выигрыш с «тихим» ходом Ле8 —Зюйдема долго не сопротивлялся.

Час спустя один из участников турнира сообщает новость —Зюйдема сдался в теоретически ничейной позиции! Эндшпиль ладья с пешкой g6 против чернопольного слона ничейный...

Я засмеялся — выигрыш теоретический, сам видел, как Смыслов в 40-х годах у Симагина выиграл подобный конец. Вскоре спешит ко мне тот же мастер: «Все в порядке, жертвуется пешка «g», и черные проигрывают слона...»

По возвращении в Москву продолжаю искать издательство (рукопись теперь пополнилась методом поиска траекторий). Пошел в «Науку», там объяснили, что они издают лишь по решению издательского совета

Академии наук. «Вот по редакции научно-популярной литературы, там иначе...»

Пошел в эту редакцию к Н. Прокофьевой.

— А кто может дать отзыв? — спрашивает она.

Объясняю, что положительный — Рамеев; отрицательный могут дать Шура-Бура или Адельсон-Вельский.

Наталья Борисовна засмеялась:

— У нас есть и свои рецензенты, — и сняла телефонную трубку. — Николай Андреевич, отзыв на рукопись Ботвинника дадите? Нет, нет, тут не по истории шахмат, здесь кибернетика...

Так судьба свела меня с Криницким!

Пришел я к нему в ГВЦ Госплана СССР — Криницкий был главным математиком вычислительного центра. Говорили четыре часа. Только через три часа я догадался, что Николай Андреевич не ус-

матривает разницы между горизонтом и предельной длиной варианта. Объяснил - и стали понимать друг друга.

Высокий, чуть сутулый, усики, очки, словно земский врач из рассказов Чехова, Криницкий много лет был военным; прошел всю войну, а затем стал научным работником. Очень честный, прямой и упрямый, говорить с ним трудно. Но как умел видеть Рагозин, так и Криницкий видит то, чего другие не замечают. Поговоришь с каким-нибудь академиком, потом вспоминаешь разговор и только плечами пожимаешь; поговоришь с Криницким, вроде ничего хорошего нет, а потом начинаешь понимать задачу глубже!

Николаю Андреевичу и идеи и рукопись понравились. Возился он со мной долго, выправлял текст (с математической точки зрения), замечаний было много.

— Николай Андреевич, может, перепечатаем, а то в издательстве не разберутся?

— Что вы, что вы, — хитро усмехнувшись, ответил мой собеседник, — в издательстве должны видеть работу редактора!

Однако и по редакции научно-популярной литературы не так просто издать книгу, там тоже был издательский совет. К счастью, председателем совета был академик К. Островитянов (мы с ним познакомились на Николиной горе) — Константин Васильевич пропустил книгу без задержек.

В начале 1968 года книжка вышла в свет.

Все это время я немало; играл в турнирах. В конце 1966 года третий раз поехал в Гастингс; играем в новом помещении на горе, вентиляции нет — душно. Состав турнира молодой: Мекинг, Балашов, Кин, Хартстон, Басман... Все висело на волоске (в начале турнира я зевнул ладью Кину), но счастье улыбнулось, и завоевываю первый приз.

Подходит ко мне некто Изотов — спортивный корреспондент Би-Би-Си — и берет интервью.

— А «гонорариум» вы сможете получить в Лондоне.

— Нет, — говорю, — за интервью гонорар не полагается.

Изотов смотрит на меня изумленно. Спустя две недели после сеанса в Лондоне подходит ко мне пожилая русская дама и приглашает посмотреть ее коллекцию картин. «Спасибо,— говорю,— если смогу— приду обязательно». Дама отходит, а кто-то трогает меня за рукав. Оказывается, Изотов:

— Не ходите к ней, это агент охранки...

Я смеюсь: «Не пойду, конечно». Да, значит Изотову я понравился. На прощание он подарил мне томик стихов Бернса.

После турнира вместе со старым другом Барри Вудом, редактором журнала «Чесе», отправляемся в трехнедельное турне по Англии и Шотландии. Вуд только приобрел новенький «Остин-1800» и обкатывал его в поездке*.

Жил Вуд в Соттон Колдфилде вблизи Бирмингема, в собственном доме (за треть века Вуд еще не выплатил всей его стоимости) — дом большой, но и семья большая. Когда мы выступали недалеко (миль за 200), то в субботу приезжали отдыхать в Соттон Колдфилд.

Вуд — маленький «капиталист», у него своя миниатюрная типография, и без задержки он печатает как свой журнал, так и книги. В молодости он был и редактором, и рабочим, сейчас — только редактор!

Были мы и на юге, и на востоке, и на северо-западе (в Шотландии), и на западе страны. Шахматы в Британии стали более популярны, чем до войны; сейчас в Англии шахматистов не меньше, чем в Голландии.

Гастроли окончены, и после шестичасового путешествия на голландском теплоходе «Принцесс Беатрикс» через Северное море советским спальным вагоном — в Москву.

В конце 1967 года мы со Смысловым направились на международный турнир в Пальма-де-Мальорку. Как это бывает, все было решено в последний момент, Смыслову, а также Котову (он нас сопровождал) не успели взять транзитной французской визы (испанскую надлежало получить в Париже — тогда дипломатических отношений с Испанией не было).

В аэропорту Шереметьево пограничник не выпускает моих коллег за рубеж (нет визы). Возникает спор, подходит полковник, начальник погранзаставы — слава богу, он оказался шахматистом, но все равно и он ничего не может сделать. Использую все свое красноречие.

«Ладно,— в сердцах говорит полковник,— поезжайте, вас все равно без виз вернут из Парижа...»

В Париже все было просто: девица в пилотке тут же предоставила моим товарищам право провести во французской столице три дня. Получили испанские визы и вылетели на Мальорку.

Турнир был хорош: Ларсен, Портиш, Глигорич, Ивков...

На старте я проиграл Дамяновичу (с двумя лишними пешками!), и лидерство захватил Ларсен.

Условия игры были нелегкими. Жарко, а в отеле, где жили и играли, душно. Постепенно освоились, и спортивная борьба обострилась.

Под конец турнира организаторы решили провести два тура на Менорке; мне это очень не нравилось, но что делать? Полетели.

Гастроли на Менорке закончены; на море поднялась буря. Нельзя выйти из гостиницы, ветер с ног валит. Менорка — плоский остров, и ветер, как на корабле! Сегодня — выходной, а завтра тур и уже на Мальорке, играть надо будет прямо с самолета. Подхожу к организаторам и предлагаю, чтобы участники переехали сегодня.

«Нельзя, мест в самолете нет».

Неожиданно узнаю, что Ларсен с супругой должны улететь тотчас. Ну и ну! Все будут играть после перелета, а Бент после того, как сладко поспит в отеле на Мальорке? Объясняю Глигоричу и

О'Келли ситуацию; Светозар вызывается поговорить с Ларсенами. Через минуту он возвращается весь красный: «Лучше бы не ходил». — Ему попало от мадам.

Организаторы предлагают лететь и мне; соглашаюсь, но вместе со всеми участниками. Ларсены уезжают в аэропорт, но, увы, из-за непогоды аэропорт закрыт, они возвращаются. Дипломатические отношения с Бентом прерваны.

Хотя на финише я у него выиграл (№ 358), все же Бент обскакал меня и Смылова на пол-очка (в двух последних партиях я был не на высоте положения).

Заключительный банкет. Сидим вместе с местными шахматистами, они, не стесняясь, критикуют Франко; к нам, советским, относятся дружелюбно. Слышу сзади голос Ларсена: «Г-н Котов, нельзя ли через ваше посредство попросить г-на Ботвинника дать автографы?»

Оборачиваюсь, оба мы засмеялись, пожали руки и помирились. Ларсен хорошо говорит по-русски, когда он был в датской армии, его послали в русскую школу.

До глубокой ночи сидим в баре и рассуждаем о разных разностях: и о шахматах, и о политике, и об экономических проблемах, и о шахматной машине. Голландец Доннер сердится, он не понимает, о чем идет речь — Ларсен, Глигорич, Портиш, Ивков, Дамяно-вич знают русский, то Глигорич, то Ларсен ему переводят... Подружились мы тогда со Светозаром!

Глигорич удивительно жизнерадостный и живой человек. В 50 лет он играл в футбол в команде мастеров-ветеранов югославского футбола.

«Светозар, вы же не мастер?» — «Да, но они меня держат, так как я бегаю быстрее!»

Он является одним из немногих зарубежных шахматистов, которые всегда связывают начало партии с планом в середине игры. Позиционное чутье отличное — в 1965 году в Гамбурге он выиграл у меня очень тонкую в позиционном отношении партию. На Мальорке я реваншировался (№ 355).

На обратном пути в Париж О'Келли «возглавил» группу участников. Мы со Смыловым должны были лететь дальше, а Дамяно-вич и Котов собирались принять участие в одном турнире в Париже. Прилетели в аэропорт Орли и только тогда вспомнили, что ни у кого виз нет (кроме О'Келли — бельгийцу французская виза не нужна).

О'Келли на своем превосходном французском вступает с девицами в полемику — Дамяновичу и Котову виза нужна на две недели.

«Как вы можете это требовать, вы — француз», — заявляет ему старшая по чину. «Я — бельгиец!» — парирует О'Келли.

Замечаю, что мужчина в форме пограничника прислушивается к беседе, но не к перебранке О'Келли с девушками, а к русской речи. Спрашиваю:

— Вы знаете русский?

— Да.

— Может, вы нам поможете? — и представляюсь.

Как все изменилось! Мой собеседник дал отрывистое приказание, девицы смолкли, и тут же в паспортах появились визы на трое суток («Потом продлите в полиции», — разъяснил наш новый знакомый). Он из России, во время войны судьба, когда он был мальчиком, занесла его во Францию, страстный шахматист. Долго жал нам руки, когда сажал в такси!

Спустя четыре месяца снова мы со Смысловым в Париже — летим на турнир в Монте-Карло.

Княжество Монако состоит из одного Монте-Карло, все держится на туристах да на казино. Многие стремятся стать гражданами Монако: налогов не платить, в армии не служить... Но и те, кто живет во Франции рядом с княжеством, ищут работу в Монако.

Мсье Луи Торрель, старший официант отеля «Балмораль», где жили участники, каждый день на мопеде приезжал из Франции на работу. Его дочь изучала русский и переписывалась с дочерью мастера Эстрина, которая в МГУ изучала французский. Небольшого роста, лет сорока пяти, Торрель держал себя с достоинством. Сидели мы за столиком втроем: А. О'Келли (он был арбитром), Смыслов и я. Альберик на день получал четвертинку божоле, мы со Смысловым заказывали томатный сок (он, кстати, стоит дороже...). Торрель по благу подавал нам громадные бокалы соку и, подмигнув, каждый раз торжественно объявлял: «Гран шампань де Монте-Карло!»

Играли в выставочном зале на берегу. Сыграл я там две интересные партии — с Портишем и Бенко. С Портишем (№ 362) был фейерверк жертв, как во времена Андерсена, с Бенко (№ 361) — провел черными тончайший позиционный план в английском начале. С Ларсеном выигранную партию (№ 360) свел вничью и опять отстал от Бента на пол-очка!

Гуляем около казино. Мемориальная доска: здесь было первое представление балетной труппы Дягилева. Притихли мы, поняли, что хранят здесь память о посланцах русского искусства.

Заказать билеты на самолет опоздали — пасха, все забронировано. О'Келли берет билеты на поезд. Дал я маху, нельзя было об этом просить Альберика, он любит экономить: взял билеты на поезд, где и вагона-ресторана не было. Как остановимся, так пассажиры налетают на разносчика, он быстро распродает свои черствые бутерброды. Первый раз мы не успели, но потом дело пошло — у Альберика ноги длинные, он всех обгонял.

Сначала ехали берегом на запад. Красива Французская Ривьера, железная дорога, шоссе, бесконечный пляж, каждые полкилометра белоснежный четырехэтажный пансионат. От Марселя повернули на север: тихие, полноводные реки, лиственные леса, поля, удивительная чистота (только у Лиона было чуть захлавлено). В Париж приехали под вечер: на вокзале толкотня, все друг другу мешают, ну как в родной Москве! Вспомнил в Лондоне Черринг

Кросс, все пассажиры спокойно, но быстро покидают вокзал... Характер нации — ничего не скажешь!

Останавливаемся на окраине Парижа в отеле, где хозяин шахматист,— О'Келли верен своим привычкам, он всегда там останавливается. Г-н Вьейфон очень гостеприимен, так же как и его супруга; собственно говоря, она ведаёт всеми делами, а хозяин играет в шахматы.

Понравилось мне платье хозяйки (с большими белыми цветами). «Да, я такое видел в магазине,— говорит Альберик,— поехали, купим Гаянэ Давидовне». Но в магазине такого платья нет, цветы не большие, а маленькие. Пришлось все же взять платье.

Хозяйка смеется, оказывается, она сама перешивала цветы! Перешила она цветы и на платье моей жене.

Альберик хорошо говорит по-русски. Когда мы познакомились в 1946 году на турнире в Гронингене, он уже тогда владел русским. Выходец из разорившейся ирландской аристократической семьи, О'Келли, быть может, был самым большим тружеником среди гроссмейстеров. Русский изучил просто: поселился в Брюсселе в семье русских эмигрантов. Усиленно занимался физкультурой. Купил велосипедный станок и каждое утро «ездил» 20 минут. Первые 10 минут ничего не чувствовал, но вторые — пот льет градом. Вот и ходил О'Келли стройный и, кстати, с предельной скоростью 8 километров в час. Я легко делаю 6 километров в час; когда мы гуляли вместе, устанавливалась какая-то средняя скорость — я еле за ним поспевал!

Но вернемся к шахматной программе...